

НАДЕЖДА
НЕЛИДОВА

Книга
не будет

Надежда Нелидова

КинА не будет

«Издательские решения»

Нелидова Н.

КинА не будет / Н. Нелидова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966810-3

Мы, три подруги, не виделись сто лет. Случайно встретились в отделе нижнего белья для женщин «возраста кашемира и шёлка», по вполне бюджетным ценам. Белья по бюджетным ценам — а не женщин. Завизжали, обнялись, запрыгали... Поклялись, что больше никогда не разлучимся. Что старый друг лучше новых двух: не двух — десяти. Проверили негустую наличность в кошельках и немедленно двинули закрепить клятву порошковым «шардоне» в ближайшем баре.

ISBN 978-5-44-966810-3

© Нелидова Н.

© Издательские решения

Содержание

КИНА НЕ БУДЕТ	6
МОЯ ДЖЕССИКА	15
ПЕРВЫЙ РАЗ ПРОЩАЕТСЯ	19
Бесплатная Олечка	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

КинА не будет

Надежда Нелидова

© Надежда Нелидова, 2019

ISBN 978-5-4496-6810-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КИНА НЕ БУДЕТ

– Вау – это удивлённое русское «ах»! А «упс» по-нашему – «Ой».

– *Вау, эта красная рябина*

Среди осенней желтизны...

Нет, лучше:

– *Упс, мороз, мороз,*

Не морозь меня!

У нас – печаль, глубина, философский смысл, драма, вековой надрыв. У них —приклеенная улыбочка в отбелённые 32 зуба – всё тип-топ, май дарлинг!

– Однако же они на тип-топ отгрохали мировую державу. А мы всё плачемся, надрываемся, каемся и ищем смысл...»

Скажите, в какой ещё стране мира давно не выдававшиеся подружки в подпитии будут разбирать лингвистические особенности речи и разницу менталитетов?

Случайно встретиться в миллионном городе трём бывшим подругам – вероятность 0, 00... процента. Теперь исключим из мест возможных встреч производственные площадки, офисы, стадионы, больницы (тьфу, тьфу), парковки личных авто. Вычеркнем дешёвые рынки с полощущимся на ветру тряпками – и пустынные бутики, где от цен глаза округляются как нули на тех ценниках.

Уточним, что встреча состоялась в отделе нижнего белья для женщин «возраста кашемира и шёлка», по вполне бюджетным ценам. Белья по бюджетным ценам – а не женщин. Не правда ли, круг значительно сузился, и процент вероятности случайной встречи вырос?

Завизжали, обнялись, запрыгали... Поклялись, что больше никогда не разлучимся, что старый друг лучше новых двух: не двух – десяти. Проверили негустую наличность в кошельках и немедленно двинули закрепить клятву порошковым «шардоне» в ближайшем баре.

Бар не мог похвастать обилием вкусных и свежих закусок. Чего было в избытке – тесноты, темноты, острых углов и ледяного задувания от кондиционера в наши, увы, давно не юные остеохондрозные шеи.

Зато работало караоке. Кроме нашей троицы и бармена в зальце никого не было, поэтому я сразу схватилась за микрофон и отвела душу. Жалостно спела и про вау, эту красную рябину, и про упс, мороз-мороз.

Как все люди, не имеющие голоса, я обожаю петь. Я очень-очень стараюсь, что называется, микрофон съесть готова. Пою телом, прижатыми к груди руками, умоляющим лицом, бровями и даже, по наблюдению подруг, ушами и носом. Хватит, пожалей бармена!

– Девчата, а как будет по-английски: бодливой корове бог рогов не даёт?

Исподтишка разглядываю подружек. Аэлита прекрасно сохранилась. Чтобы удостовериться в этом, то и дело вынимает зеркальце и устремляет в него затуманенные от собственной невыносимой красоты, длинные очи. Паутинка сухих мелких морщин их почти не портит.

Как при рождении Аэлиты бог предугадал, что именно такие лисьи глаза будут бешено модны? Вздёрнутые наружными уголками в 45 градусов, слегка утопленные в крутых скулах. Женщины мечтают о таком инопланетном разрезе, который Аэлите достался бесплатно.

Всё тот же резко очерченный, надменный рот: будто покусали пчёлки. Когда-то он сводил с ума мужчин. Припухлость тщательно дорисована карандашом и помадой – что ж... Зато нескончаемым, вытекающим из юбки фарфоровым ногам годы не страшны. Она никогда не опускалась до брюк и считала, что их носят, чтобы скрыть кривизну ног. Аэлитины коленки упираются в неудобную подпорку стола, постукивают: словно в клетке бьётся строптивая лошадка.

Юный subtilный бармен, протирая прозрачные бокалы, посматривает на нашу подругу. Эх, какая красота пропадает!

Люда всё так же похожа на Пенелопу. Не на ту, что пряла шерсть и ждала из плаванья бродягу Одиссея. А на прехорошенькую главную героиню волшебного фильма: глазастую, с пятачком. Естественно, до того, как у неё вырос пороссячий носик.

У Люды привычка корчить рожицы, морщить носик, и оттого она невозможно миленькая. Фигурка как у кинозвезды, но из прошлого века. Пухленькая, сдобная, с широкой талией, в округлостях, в ямочках. Если Аэлита обогнала своё время на полвека, то Люда родилась позже лет на сто.

И снова: бодливой корове бог рогов не даёт. Всем нам он их выдал, но каждой не те «рога», на которые мы рассчитывали. Люда одинока как перст – а ведь самая из нас домовитая, уютная, хлопотливая.

Каждое воскресенье звала нас в общагу на пиццу – экзотика по тем временам. Мы обжигались, дули, обкусывали хрустящие поджаристые краешки, поддевали языком тягучие сырные пряди... Тесто в Людиной пицце было одно название: не более чем тонкая подставка для всевозможных вкусов.

Почему, ну почему до сих пор общепитовская пицца у нас – это толсто выпачканная майонезом, полусырая, вызывающая изжогу шаньга, по которой мясная и сырная крупинки за крупинкой бегают с дубинкой? Тогда как самая обычная хозяйка без кулинарного образования печёт итальянскую лепёшку – хоть садись и поэму пиши? Столько вложено в блюдо любви – а ещё чуть-чуть фарша, колбаски, зелени, овощей, грибочков, сыра. Их по сусекам можно наскрести даже в крошечном подвесном холодильнике общежитской комнаты.

Сама-то я отношусь к разряду никудышных хозяек. До сих пор мне простительно накрошить на скорую руку колбасы, отварить покупные пельмени для мужниных друзей, заполночь обсуждающих на кухне мировые проблемы: они под выпивку и не такое умнут. Но как нужно не «кохать» мужа, чтоб из дня в день кормить его *этим*, ужасалась деревенская, хозяйственная Люда.

У неё-то на плите в общей кухне всегда томила вёдерная кастрюля огненного борща, куда ложку было не воткнуть. В гусятнице, в оранжевом масле, плавилась фаршированные перцы и баклажаны. Люда кормила нас и ещё пол-этажа. Она не могла есть в одиночестве, за закрытыми дверями.

Чем дольше Люда колдовала над какой-нибудь принесённой с рынка уценённой косточкой с обрезками мякоти – тем обалденнее витали запахи в коридоре. Заметьте, на кухнях в ресторанах этот процесс выглядит с точностью до наоборот. Чем дольше мясо подвергается обработке, чем больше дипломированных поваров приложит к нему руки – тем стремительнее оно теряет в весе, вкусе и полезных свойствах. Лучше бы вовсе не прикладывали.

Люда, которой все прочили должность шеф-повара – всю жизнь провозилась в пыли музейного архива. Самой природой созданная быть матерью и женой, хозяйкой в большой и дружной семье – она не имеет ни мужа, ни детей, ни даже захудалой квартирёшки. До сих пор ютится в общежитии.

Рассказывала, что пыталась познакомиться через брачное агентство – первый и последний раз, хватило стыда на всю жизнь. Когда мужчина на первой минуте свидания позвонил в агентство. И, глядя сквозь Люду в даль туманную, громко и раздражённо сказал в трубку:

– Я же русским языком объяснил: возраст до тридцати, ухоженная, стройная... А вы подсовываете каких-то тётъ Моть, чёрт знает что.

«Тётя Мотя» и «чёрт знает что» под именем Люда, сидела, помертвев. Не взглянув на неё, кавалер удалился в даль туманную, где брезжили юные и ухоженные длинноногие фемины.

– До сих пор не могу себе простить. Я так жалко улыбалась.

И снова повторяюсь: бодливой корове бог рогов не даёт. Я вот ни о каких любовях не смела мечтать. Тихоня и дурнушка, затёртая видными рослыми одноклассницами, затем однокурсницами, затем дамами на работе. Мама фальшиво утешала:

– А мы не заплачем, да, доча? Заделаем себе ляльку – всех ещё завидки возьмут. Главное: пустить корешки.

Я очень чадолюбива. Едва завижу малышонка, усипусика, такого всего сладкого – приседаю на корточки, тискаю, зацеловываю. Дворовые мамочки тут же пользуются моей слабостью. Просят посидеть минутку и срываются по своим делам. Минутки перетекают в часы, а я и рада.

Чужих мам на улицах и в магазинах пугает моя страсть. Даже звонили в полицию, заподозрив ненормальную тётку в педофилии и киднеппинге.

А вот со своими корешками у меня не заладилось. Хотя даже врачи, когда лечили меня от бесплодия, хвалили мой «выдающийся» таз: «Попа шире комода. Родишь – как пукнешь».

У меня нет детей, зато есть любящий муж с внешностью итальянского героя-любownika. Женщины на улице шеи выворачивают.

Жгучая шевелюра с выбеленной косой прядью. Бледное, будто театрально напудренное лицо. Страстный взор, который тщатся притушить чёрные девичьи ресницы. И подбородок у него такой... колоритный, тяжёлый. Будто изуродованный, развороченный, изрытый шрамами и воронками. А присмотришься: просто раздвоенный, вернее, растроенный (разделённый на три) глубокими выемками. И при такой колоритной внешности – прозябать в рядовых электриках жэка номер шесть...

Это сейчас я его усмирила и обуздала, он тих и послушен, и смотрит в рот своей богине. А 25 лет назад кипели шекспировские страсти – только держись.

Мама испугалась, когда его увидела: «Посмотри на него – и посмотри на себя. Его же бабы в клочья порвут. А ты будешь сидеть дома и нюнить. Родит от него – красивый ребёнок получится. Но не более».

Однако жених вовсе не собирался поматросить и бросить, и ограничиться донорством спермы. Он хотел марша Мендельсона, золотых колец, кисейной фаты и чёрного фрака, звона бокалов, венчальных свечей.

Наше выяснение отношений произошло в его гараже. Мы сидели в тёплой, чистенькой как горенка, уютно устланной старыми ковриками «пятёрке». Я ему мягко сказала «нет», мотивируя отказ разными малозначительными и многословными причинами. Забалтывала его, как учила мама.

В магнитоле заливалась суперпопулярная Марина Журавлёва. Сегодня она напрочь забыта, а тогда её девчоночий звонкий голос вырывался из каждого окошка:

– *На сердце рана у меня,
Твои слова – полынь-трава...*

Он щелчком заблокировал дверцы и завёл двигатель. Глухо, мрачно сказал: «Не имеет смысла жить дальше. Если не скажешь „да“ – умрём вместе». Начитался дешёвых глянцевого романа на ночных дежурствах в жэке?

– *Полынь-трава, полынь-трава,
Ах, как кружится голова! —*
страдала Журавлёва. Салон медленно заполнялся удушливым газом...

Свадьбу назначили на майские праздники – в ближайшее время не было свободных дат. Тогда активно вступало в брак многочисленное поколение семидесятых. Хотя в мае жениться – всю жизнь маяться.

За дефицитным свадебным платьем (тогда всё было дефицитом) мы ездили в дальний райцентр. Там товары продавали на купоны: за сданные ягоды, грибы, лекарственные травы, шкурки диких и домашних животных.

У нас не было купонов, но продавщица рада была избавиться от давно висящего длинного белого платья 44-го размера. Лиф «анжелика» худо-бедно закрывал полиэтиленовый чехол. Зато полутораметровый в диаметре, взбитый в пышную пену маркизетовый кринолин успел пропылиться и порядком пожелтеть. И всё равно в этом наряде я была как Золушка на балу, так что жених от избытка чувств подхватил и закружил меня.

Уже тогда я, тихоня, чувствовала свою власть над ним, и немножко капризничала и вредничала. Не помню, из-за чего в очередной раз выкаблучивалась, но капризно заявила, что свадьба отменяется.

Мы стояли в той же «пятёрке» перед пустынным нерегулируемым железнодорожным переездом. Ни слова не говоря, он въехал на пути и заглушил двигатель. По тому же гаражному сценарию, щёлкнули задвижки. И мы стали ждать поезда.

Ну, как ждать. Я визжала, кусала его руки, пытаюсь разблокировать дверцы... Царапала в кровь его лицо, рвала волосы, молотила кулаками куда придётся. Когда послышался дальний перестук колёс и гудок – как миленькая дала страшную клятву стать его женой. В горе и радости, в нужде и достатке, в болезни и здравии.

Он повернул ключ зажигания, а машина... не завелась. Ни со второй попытки, ни с третьей. Я была в полубомороке, не вылезла из машины и сидела как кукла. Он выскочил и один, вручную стронул и выкатил «пятёрку» вблизи от орущего тепловоза. Вот откуда у него стильная рафинадная прядь в волосах.

Я проболталась о случившемся уже после загса – иначе регистрация бы сорвалась, и моя страшная клятва на крови была бы нарушена. Мама рыдала как по покойнику. Подруги крутили пальцем у виска.

Патологическая ревность и расстройство психики! Вторая суицидальная попытка! Преднамеренное покушение на убийство! Нарциссизм в самом жёстком, извращённом его проявлении. Нашему браку предрекали: в лучшем случае развод через месяц, в худшем – смертоубийство.

Мы живём вместе уже четверть века, сыграли серебряную свадьбу. Мой Отелло характером оказался ягнёнок. Как будто те две единичные встряски, эмоциональных взрыва высосали из него всю заложенную энергию. Ни на что сил не осталось – только обожать меня.

А вот ребёнка, о котором мечтала мама и которого жаждала я – нам бог не дал. ЭКО, грязелечебницы, бабки, экстрасенсы – всё напрасно.

Между прочим, учёные доказали, что бездетные пары счастливее семей, где растут дети. Они с двойной – нет, с удесятерённой силой греют тихой, нежной, трогательной заботой друг друга. Не говоря о том, что живут спокойней и дольше.

Зато красавица и эгоистка Аэлита ни под каким видом не хотела иметь детей. Нынче полно таких оригиналов – их называют фриками. А тогда это был поступок из ряда вон. Вызов общественному мнению, плевков в лицо социалистическому государству, чуждые, привнесённые с загнивающего запада убеждения. Бабушки таких гневно клеймили «хиппи».

Под свою эпатажную позицию Аэлита подвела убедительную теорию. Не шерше ля фам – а шерше анфам. Ищите ребёнка. Дети – зло. Ради них на земле совершаются и оправдываются самые гнусные злодеяния. Все мировые подлости делаются во имя детей – а вовсе не во имя женщины, как ошибочно решили когда-то бабники французы.

Допустим, кто-то хапает, хапает и не может насытиться (прекрасный пример – миллиардеры в России). Им говорят: побойся бога, куда?! У гроба нет карманов. На тот свет деньги не унесёте. Вы как будто две жизни собрались прожить.

Наивные! Не две – а три, пять, десять жизней они собрались жить: продолжаясь в детях, внуках и правнуках. И у гроба есть карманы. Карманы эти называются – дети, – Аэлитины без того большие глаза возмущённо росли на лице.

– Ради своего семени, своей кровинки человек готов потопить в крови земной шар, ободра́ть ближнего своего до нитки, обре́чь на голодную смерть половину субсахарной Африки. Да любая мамаша, не моргнув глазом, перегрызёт горло чужому детёнышу ради своего художного отпрыска!

И вот после этого прикажете любить этого якобы прелестного, лепечущего ангелочка, внутри которого уже заложен кровожадный, всепожирающий Дьявол?! А я, – вздымала она длинный породистый палец, – сознательно отказываюсь от продолжения рода. Пусть Зло оборвётся на мне. Я не позволю сорняку пустить корни, размножаясь злокачественным семенем!

Так говорила Аэлита, первая в нашей стране чайлдфри, повергая в ужас окружающих.

– Буду предаваться любви, одной только любви, не отягощённой, не омрачённой и не опошлённой появлением головастика, зародыша. Защищённый секс – слышали о таком?

И что? Ирония судьбы: Аэлита забеременела буквально в один из первых беспорядочных контактов. А всё потому, что соорудила вокруг себя многоступенчатые оборонительные рубежи: спираль, презерватив, безопасные дни, прерванные половые акты, лимонные дольки в интересном месте. Она была стопроцентно уверена в собственной безопасности. Первые грозные признаки в виде задержки, тошноты и округлённости талии – приняла за побочные эффекты противозачаточных таблеток.

И была страшно поражена, когда ей поставили пять месяцев, и было поздно избавляться от злокачественного семени и дьявольского отродья.

Растерянная, деморализованная, поверженная в прах Аэлита даже не могла указать на предполагаемых отцов. Они, как пчёлы, вволю и всласть повозились в её цветке. Утолив голод, взмывали и уносились прочь, сытенько втягивая похотливый хоботок и потирая перепачканные в нектаре лапки. Перепадало и мухам, и бабочкам, и комарам... Разве помнит прекрасный, щедрый, неразборчивый цветок всех полакомившихся его соком насекомых? Слава богу, хоть венеру не подхватила.

В полной задумчивости («в прострации», – говорила она) Аэлита проходила всю беременность. Она как бы прислушивалась к происходящим в ней странным процессам. И даже в момент потуг сосредоточенно, с мучительным выражением супила брови: дескать, как же это меня угораздило?!

Встречали её из роддома с большой помпой, с цветами и тортами, Люда и я с мужем. Так как мамаша и после родов всё ходила и недоумевала, маленький Серёжка оказался совершенно заброшен. И запаршивел бы, и захирел, если бы мы не сделали его сыном полка.

Со временем Аэлита оправилась от удара, нанесённого ей коварной судьбой. Даже стала кое-как принимать участие в воспитании сына. С божьей и нашей помощью дотянули до школы.

Помню, оба не любили и старались оттянуть до последнего процесс проверки домашних заданий. Я не раз была свидетельницей одного. От тетрадки к тетрадке мамаша закипала как чайник, брызгала кипящей слюной, заводилась, лицо сердито краснело. Тут тройка, там нет домашней работы. А соединения, а помарки, а загнутые уголки и дурацкие рисуночки на полях?!

Дело заканчивалось тем, что Аэлита швыряла и даже рвала пополам тетрадь, и орала как ненормальная.

Класса с четвертого, к обоюдному облегчению, сын был отпущен с готовкой уроков в свободное плавание. И лишь в восьмом классе, по просьбе классной («Пожалуйста со своим сыном учителей, почерк как курица лапой»), Аэлита заглянула в тетрадь. Лучше бы не заглядывала – домашкой там и не пахло.

Зато следовали откровения о какой-то Соньке в новых джинсах. Джинсам, исходя из повествования, очень даже было что туго обтянуть. Сын остался с этой Сонькой, скорее всего, прошедшей огонь, воду и медные трубы, наедине (боже мой, когда, где, у кого?!). Опи-

сывалось, как она, точно в сладкой пытке, нестерпимо долго снимала через голову майку... Потом, заломив руки и как-то особенно очаровательно вывернув их в локтях, расстёгивала лифчик...

В конце сын сетовал, что ничего с этой Сонькой не выгорело. Пока она напряжённо хихикала, а он тщетно пытался расстегнуть её и свои джинсы (эти современные пояса целомудрия), его рабочий инструмент повёл себя некорректно по отношению к даме. Сонька зло сказала: «Импотент», – и ушла, задёргивая на ходу «молнию».

Аэлита ещё долго, похолодев, соляным столбом стояла с тетрадкой в руках. Не знала, что ей делать теперь, как жить дальше, как им смотреть друг другу в глаза? Встретить его в этой вот окаменелой, горестной позе? Или сделать вид, что ничего не произошло?

Но Серёжка ведь сразу поймёт, поймает её за отталкивающие руки, заставит говорить правду. Ворчливо, скажет: «Ну что опять у нас приключилось? Я же вижу, ты сама не своя».

В Аэлите боролись два человека. Здравый и рассудительный убеждал: «Вспомни толстовскую Долли: как она пришла в отчаяние, застав маленьких детей, занимающихся в малиннике гадким. Ей тоже казалось, что всё померкло, пропало, что испорченных детей, маленьких рецидивистов, уже не исправишь».

На самом же деле это обычное взросление и познание своего и чужого тела».

За ужином (время и место их выяснения отношений и примирений) она кротко заметила:

– Я так и не поняла. Так как у вас развивались дальнейшие отношения с Софией?

На этом её самообладание закончилось, несмотря на всю предварительную педагогическую медитацию. С её стороны были крики, безобразие, слезы. Вечером помирились. Когда смотрели телевизор, он спросил: «Мам, а как ты, такая красивая, живёшь столько лет одна?».

Аэлита, забывшись, доверчиво начала было изливать душу... Но тут же спохватилась и несколько раз не больно подавила костлявым кулачком его лоб:

– Ах ты поросёнок, разве можно маму об этом спрашивать?!

Примерно в это время нас раскидала разлучница-перестройка. Ах, война, что ты, подлая, сделала. Люда уехала мыть задницы старухам в Германию. Мы с мужем подались на Камчатку за северными – и профукали последнее. Государство стряхнуло Аэлиту вместе с её НИИ с лица земли. А Сбербанк стряхнул все наши многолетние накопления в свои забугорные закрома.

Зато у Аэлиты был Серёжка.

О его дальнейшей судьбе жадно расспрашивали сейчас, при встрече.

Сергею стукнуло тридцать – а он и не заморачивался насчёт женитьбы. Айтишник на удалённой работе, заработал на отдельное жильё, завёл кота.

Вы заметили, сколько в последнее время появилось анекдотов про вредных обожаемых котов? Подразумевается, что их хозяева – одинокие молодые люди. И не просто холостяки – а злокачественные домоседы. Они добровольно заточают себя в четырёх стенах, впрочем, ничуть от этого затворничества не комплексуя.

Что вы: какие поездки, путешествия, какой мир – на кого оставишь кота? Переход с кружкой кофе из кухни в комнату – вот их путешествие. Компьютер – вот их мир.

Через соцсети Сергей и познакомился с юной чиновницей Мариной. На аватарке и в общении в чате она выглядела ангелом.

Первый скандал разразился на свадьбе. «Горько!» – взревели гости. Молодые поцеловались. Серёжкин рот и даже зубы приняли на себя половину пудры, густо-пунцовой французской помады и липких блёсток, по всем правилам наложенных в три слоя на уста невесты.

Серёжка повозил, покусал губы, пытаясь избавиться от стойкой косметики. Затем, отвернувшись, незаметно утёр их. Это увидела зоркая Мариночка и закатила истерику:

– Он меня не любит! Он мной брезгует! Он утёрся после меня! Я никогда этого не прощу!

Слёзы, визг. Бокалы, букеты, тарелки с салатом, куски торта, летящие в голову жениха. Последняя вишенка: сорванная фата, подхваченные юбки и побег со свадьбы.

Хорошо, мы с Людой замяли инцидент. Объяснили оторопелым гостям, что всё было так и задумано. Шутливая импровизация «Похищение невесты». Квест «Ищем беглянку». Торт в морду – вообще классика жанра.

Бурный свадебный сценарий растянулся на медовый месяц и выплеснулся далеко за его пределы. Кариночка искусно пользовалась давним женским способом: «хочу дам – хочу не дам» и «содержание мужа на голодном пайке». Способ этот работает только в отношении порядочных мужчин. Непорядочные: «Ах, так?» – начинают восполнять недостаток секса на стороне.

С кем прокатит, а с кем нет – ангельские стервочки, вроде Карины, уноживают мгновенно. Глубоко порядочный Серёжка ходил осунувшийся, с лихорадочным блеском в глазах и ел жёнушку глазами.

По взмаху приклеенных Карининых ресниц готов был исполнить любое её желание. По её приказу «оторвал зад от дивана» и устроился в логистическую компанию. Затем из дома вылетел кот: хорошо хоть, не на улицу, а к Аэлите. Кстати, приходы свекровушки в гости тоже не приветствовались.

Серёжка из гордости никому о домашних баталиях не рассказывал. Зато глупая Карина свистела налево и направо о том, что крутит мужем-слизняком как хочет, и вытирает об него свои лабутены.

Аэлита, с нашей помощью, пыталась приструнить Карину – по-нашему, по-простому, по-бабски. Но хитрюга тут же нажаловалась Серёжке. И он – откуда взялось – твёрдо сказал:

– Вот что, мама. Вот что, тётушки. Я вас всех помню и люблю. Но это мой дом, моя семья, мои границы. Убедительная просьба их не нарушать и в нашу с Кариной территорию не вторгаться.

– Жизнь всё расставит по своим местам, – решил наш женсовет.

И не ошибся: жизнь начала потихоньку сдёргивать пелену и раскрывать Серёжке глаза. Ещё чуть-чуть... Но тут Кариночка очень мудро и вовремя забеременела.

На свет появилась нескладная, некрасивая и очаровательная девочка – копия маленького Серёжки. Похожа на лягушонка: с такими же оттопыренными ушками, приплюснутым носиком и широким ртом. Серёга увидел торчащий из свёртка носик – и пропал.

Пока Кариночка делала карьеру у себя на службе, сидел с дочкой вечерами. О Карининой стремительной карьере ходили нехорошие слухи. Аэлита с негодованием отвергала их. Сноха? Изменяет? Я вас умоляю!

Кариночка была типичный офисный крысёнок. Мышь бледная. Постно опущенные глазки. Птичьи пёрышки на голове, гладко стянутые в лакированный узелок. Пастельная полупрозрачная косметика – почти её отсутствие. Английские серые костюмы, узенькая юбка до середины колена. Даже двенадцатисантиметровые шпильки смотрелись целомудренно и стыдливо на её ножках-соломинках.

Помилуйте, какое «гуляет»? Слишком воспитана и брезглива, а слухи распускают конкурентки.

Но вот Аэлита объявляет срочный сбор женсовета. Собираемся в нашем баре. Она потеряна, лицо меловое, челюсть и руки трясутся. Приходит в себя, только глотнув из крошечной толстенькой рюмки коньяка.

Рассказывает. Вчера поехала на дачу помыться в домике. Да, рано, ещё снег вокруг, но ведь и весна нынче ранняя, оголтелая. Идёт, значит, с автобуса – а возле домика стоит знакомая

«мазда» (желание №3 Кариночки). Аэлита замедлила шаг, ступила с дороги и присела за соседскими кустами.

Дело в том, что утром они виделись с сыном. Тот жалел Кариночку: жена вся на нервах, непрерывные зональные совещания, даже обеденный перерыв отменили. У неё важный доклад, лишней секунды поговорить нет.

В Серёжкином голосе подрагивали и звенели торжество и упрёк, и вина перед женой. Дескать, вот, мамочка, ты с подружками всё точишь зуб на Карину – а она, бедная, бьётся как рыба об лёд, всё в дом, всё в семью.

Из соседских, по-весеннему прозрачных кустов всё хорошо просматривалось. Из домика вышла Кариночка, застёгивая свою белую шубку, и мужчина, на ходу накидывая дорожное пальто.

– Они шли такой расслабленной походкой... Лениво, устало приволакивая ноги. Как ходят после... Ну, после... – Аэлита положила руки на стол и спрятала в них лицо.

Пара не спеша села в машину. Откинулись на спинки, закурили и довольно долго беседовали. Нисколько не боясь, не стыдясь, что появятся соседи, доложат свекрови.

Кариночку всегда отличало это бесстрашное равнодушие, холодная отвага, уверенность в себе: «Пшли все вон, я королева». По-простому, это называется хамство и наглость. Она будто всегда пребывала в анабиозе, и её тело хранило температуру на несколько градусов ниже прочих теплокровных женских тел.

Мужики от этой холодной взбалмошности офигевают, теряют остатки ума: вспомните Настасью Филипповну. Женские равнодушие, презрение и самоуверенность притягивают и парализуют их слабую сущность, как змеиный взгляд. И вот они уже готовенькие, и, ужаленные, зачарованно, покорно и неотвратимо ползут в пасть, чтобы быть заживо проглоченными и переваренными.

В Аэлите всё кипело, она напоролась горячку. Как только машина уехала, набрала сына.

– Серёж, позвони Карине, узнай, где она. Да, надо. Да, очень. Потом объясню.

Через полминуты озадаченный Сергей сообщил: «Кариночка с утра в президиуме на совещании. Распсиховалась и сказала, что отключает телефон, чтобы не мешал».

Вот всё и встало на свои места.

Вечером этот подкаблучник рассказал жене об Аэлитином звонке. Что тут началось! Кариночка же не зря в совершенстве знала тысячу и один способ размазывания мужчины по стенке.

Она мгновенно сбросила змеиную переливчатую шкурку, вышла из холодного, спящего состояния. Превратилась в расхристанную торговку с Перевоза – тем, кем была в душе на самом деле.

Поток грязных слов, изрыгаемых бледными фригидными устами воспитанной Кариночки, состоял из трёх и пяти букв, и прямо и грубо обозначал половые органы и отношения между мужчиной и женщиной. Поток этот обрушился на Серёжку и окончательно смял и погрёб его.

Досталось по самые помидоры и «подозрительной, параноидальной мамаше», и ревнивому на пустом месте мужу дураку. В то время как она, Карина, пашет как проклятая... да когда этот ад кончится... да пошли вся ваша семейка на...

Покидала шмотки в сумку, схватила ключ от авто и дочку под мышку – и умчалась к родителям. Очень, очень надёжный и единственно верный ход со стороны бл... в такой ситуации.

Её родители, тоном оскорблённых августейших особ, выступили по телефону в роли переговорщиков. Оказывается, мужчина в дорогом пальто – это кузен Адик. Он хочет купить участок в их дачном обществе. Кариночка любезно обещала помочь Адикю – что в том криминального? А что касается совещания – их девочка на полчаса отпросилась у начальника.

Карина нетерпеливо выхватила трубку. И – полилось, хоть нос зажимай. «Только воспалённое воображение... Бешенство матки твоей неудовлетворённой мамыши... Психушка плачет...»

Серёжка, опустив голову, смертельно побледнев, слушал в трубке выплёвываемые, злобные оскорбления в адрес матери. Он готов был не то выслушать, лишь бы ему вернули дочку.

Вечером Кариночка въехала на белом коне, колени которого униженно лобызал Серёжка. До своих худосочных капроновых коленей жёнушка не допустила: не заслужил. В тот же вечер поспешила закрепить победу на завоёванных рубежах. Села в машину начальника и уехала на ночное дежурство. Якобы какая-то прямая «горячая» круглосуточная линия: краевые выборы на носу.

Вернулась утром прокуренная, мятая, пахнущая дымом, шашлыком, коньяком и мужскими руками – и брякнулась спать. На Серёжку страшно было смотреть...

И снова бар, полутьма. Аэлита расстёгивает сумку и достаёт крошечный чёрный квадратик. Карта памяти регистратора. По нашему совету, она в тот же день умыкнула ключи от «мазды». Вынула видеокарту из гнезда и заменила другой. Уверенная в себе (оборзевшая, по Людиному определению), Карина не опустилась до того, чтобы замечать следы. Ещё чего, было бы перед кем.

Мы сидим за столиком с видом мисс Марпл, Джессики Флетчер и Насти Каменской, вместе взятых. Сейчас Аэлита прокрутит запись на планшете: о чём Кариночка говорила в машине с кузенком? О покупке участка? Или о том, какие позы вызывают особо улётный оргазм?

И тайное станет явным. Карина не отопрётся, стушует, прижмёт хвост.

– Ну, давай, – неприлично торопит Люда. Ей не терпится расправиться с борзой Кариной.

– Кина не будет, девочки, – тихо говорит Аэлита. – Я стёрла запись, – и объясняет, хотя мы молчим: – Сейчас у Серёжки есть хотя бы дочка. А так не будет ни семьи, ни дочери.

– Ты с ума сошла? Обрекаешь его на адскую жизнь!

– Да. На адскую. Но на жизнь. А без дочки ему не будет никакой жизни. Даже адской. Жизнь продолжается, дамы.

Аэлита тонкими, с уже узловатыми возрастными суставами, пальцами переламывает и выбрасывает видеокарту в пепельницу. Мы не спрашиваем её: просмотрела ли она запись? И было ли там что-то? Зачем? Отныне ей нести неподъёмную, двойную тяжесть. И за себя, и за пребывающего в счастливом неведении сына.

Жизнь продолжается, дамы. Через год наш женсовет отмечает 8 марта.

В семье Сергея произошли большие изменения. Тот случай, когда говорят: не было бы счастья – да несчастье помогло. Кариночка серьёзно занемогла.

Неизвестно, в каких обстоятельствах места, времени и действия (скорее всего, на очередном пикнике с ночёвкой), она жестоко застудила все органы, относящиеся к сфере урологии, нефрологии и гинекологии. Отнялись ноги, скрутило так, что за месяц стала хроником. Её вывели на вторую, а потом и на первую группу инвалидности.

Сейчас Кариночка сидит дома в коляске, вяжет макраме и смотрит в окошко. Ждёт, когда покажутся муж с дочкой. И, блин, когда соизволит притащиться эта несносная свекруха, поднимет её, подмоет, смажет опрелости маслом «Джонсонс бэби» и поменяет памперсы?

Со своей мамашей Карина вдрызг разругались. Та заявила, что раз так – её носа тут не будет, она не собирается убирать говно за «зассыхой». Родная кровь, между прочим.

Аэлита рассматривает сухие, изъеденные моющими средствами руки, и вздыхает:

– Бедняжка Карина. Выпьем за её здоровье... – Горько усмехается: – И ещё за то, что бодливой корове...

– ...Бог рогов не даёт! – хором заканчиваем мы.

МОЯ ДЖЕССИКА

История эта давняя. Относится к тем временам, когда в общественном транспорте висели зубастенькие коробочки компостеров. А водители сами нередко выступали в роли контролёров.

До Нового года оставалось три часа. Ковры были выбиты и почищены сухим снегом, стол сервирован холодными закусками, и из духовки пахло запекаемым гусем. Дочка из спальни крикнула, что она погибнет без мерцающей губной помады, которая единственная гармонирует с её вечерним платьем, и которую она забыла у Клековкиных. До Клековкиных, между прочим, нужно было пилить на троллейбусе в центр города. Он попробовал возмутиться и отстоять законное право поваляться у телевизора до прихода гостей. Но за дочку вступилась жена, а прекословить двум женщинам в доме...

В это же самое время на другом конце города в такой же светлой и теплой, пропитанной аппетитными запахами квартирке другая женщина в прихожей озабоченно влезала в пуховичок. Только что муж обнаружил, что в аптечке кончился атенолол. От одной мысли, что в новогоднюю ночь он останется без таблеток от давления, у него подскочило давление. А может, и не подскочило, просто уж очень муж любил себя и свое здоровье. Он так жалобно поглядывал на неё, вздыхал и держался за сердце, что она села обзванивать аптеки и отыскала-таки дежурную, правда, она находилась в самом центре города.

В салоне троллейбуса было холодно и крепко пахло нафталином от шуб и пальто. На освободившееся кожаное место рядом с ней сел высокий сутулый мужчина в потёртой дубленке. Помолчав с минуту, спросил:

– Простите, у вас проездной? Или зайкой едем?

– Что-что?!

– Остановка «Университетская», – хрипел в микрофон водитель. – На выход приготовьте талоны, проездные билеты.

А она в который раз тщетно перетряхивала сумочку: проездной забыла дома. Ну почему ей так всегда не везет? К выходу плелась последней, всё еще надеясь на лучшее. Водитель – молодой парень. А у неё: личико, фигурка и всё такое. Она взглянула на водителя с такой прелестной беспомощной улыбкой, что имей дверцы глаза, и они бы не устояли и, астматически зашипев, распахнулись.

– Штраф – рубль.

– У меня двадцать копеек в кармане... – В нежном девичьем голосе звенели слёзы, и голубые глаза в ореоле французских теней умоляли о пощаде.

– Тогда в парк.

Она с оскорблённым лицом бухнулась на место для пассажиров с детьми и инвалидов. В троллейбусно-трамвайном управлении её слегка пожурили и отпустили с миром. Но настроение весь остаток дня у нее было отвратительное.

– Ишь, какой, – шептала она и топырила губку в бледно-розовой помаде.

Он раскрыл коричневое портмоне и показал снимок под пластиковым квадратиком. С неё смотрела она сама двадцатипятилетней давности: смеющаяся, с вертикальными ямочками на щеках, с раскиданными по плечам белокурыми прядями. На самом деле это была вырезанная из глянцевого журнала фотография Джессики Ланж. Ей в молодости всегда говорили, что она ужас до чего похожа на эту американскую артистку. Потом говорили всё реже. Сейчас вообще ничего не говорили.

– В прихожей у нас такой же висит, увеличенный. Жена ругается. Смотри, говорит, застукаю я тебя с этой Джессикой – последние волосёнки выдеру. – Он доверчиво снял шапку и, в доказательство, нагнул голову. Открылись залысины, значительно подъевшие со лба и висков некогда великолепную причёску. А она подумала, что всю жизнь до сих пор очень часто воображала его на месте мужа... Даже в самые интимные моменты. Но вслух ничего не сказала.

Вероятно, это была ирония судьбы. Но на следующий день, когда она, запыхавшись, влетела в троллейбус с передней площадки, за стеклом сутулилась широченная спина вчерашнего водителя. Увидев её, он неожиданно расплылся в добродушной улыбке. Он едва не подмигнул ей как старой знакомой – это после такого вчерашнего свинства с его стороны. Скажите, каков нахал! Чтобы не видеть его мерзкой ухмыляющейся физиономии, она стала энергично протискиваться в конец троллейбуса.

– Товарищи пассажиры, задние двери открываться не будут. На выход приготовьте талоны, проездные билеты.

– Назло, разумеется, – усмехнулась она. Но у выхода поневоле оказалась последней, из чего он сделал неправильный вывод.

– Ага, зайка, снова попалась? – он загородил ей дорогу. – На вчерашнее дуешься? Не бойся, в парк не повезу. Но в наказание за вторичный бесплатный проезд тебя следует прокатить по кольцу туда и обратно. Тебя как зовут?

Вот тут она с убийственно-холодным видом не торопясь вынула студенческий проездной. Помахала у него под носом, выпрыгнула из троллейбуса и зашагала прочь.

Как полагается в новогоднюю ночь, мела метель.

– Смотрите! – Она фыркнула и указала за стекло на неровно бредущую и спотыкающуюся в треугольнике света от фар, в освещённых снежных завихрениях толстую фигуру. Троллейбус отчаянно и безрезультатно сигналил. Это был дед Мороз в голубой шубе, густо осыпанной искусственными и настоящими снежинками – только без шапки, рукавиц, без мешка с подарками, вероятно, давно утерянными. И без Снегурочки. Посторонившись и встав на обочине, он что-то прокричал одиноким пассажирам в освещённом салоне, размахивая сорванной ватной бородой.

– Поздравил, наверно, – предположил он.

После последней пары она подошла к Славке с пятого курса, который обладал самым атлетическим телосложением среди всего университетского мужского населения и который давно имел на нее виды. Она попросила проводить ее до общежития. Обалдевший от счастья Славка приобрёл на первом же углу большой букет роз. Ну что ж, розы были отличной деталью к задуманному спектаклю.

Мимо остановки «Университетская» прошло семь троллейбусов. Мороз, как ему и полагается, крепчал. Улица напоминала баню с вырывавшимися из дверей магазинов и кафешек клубами белого густого пара. У дрожащего Славки посинел нос, и он немножко начал терять свой великолепный спортивный вид. Ей тоже пришлось несколько раз вынимать зеркальце и приводить себя в порядок. Славка начал подпрыгивать, бить одной ногой о другую и настойчиво спрашивать, чего они не садятся. Но вот за стеклом очередного широколобного троллейбуса она увидела знакомое симпатичное лицо и широкие плечи, обтянутые свитером.

Она мигом втащила закоченевшего Славку и встала так, чтобы в водительское зеркало хорошо было видно и охапку стеклянно замороженных роз, и её счастливые блестящие, в подтёках туши глаза, с любовью устремлённые на Славку, и без умолку болтающий ротик. Так как водитель мог только видеть, как этот ротик открывается и закрывается, и не слышал слов,

она несла такую тарабарщину, что на неё пассажиры оглядывались. А бедный Славка стоял, уставившись на неё с ненормальным видом.

Результат превзошёл ожидания: водитель резко повернул зеркало книзу. Она вмиг его пожалела.

– Слав, я за талонами!

– У нас же проездные...

Она не слышала. Она уже подбегала, цепляясь за поручни, к водительской кабине. Сейчас она протянет ему полтинник и скажет:

– Какой ужасный мороз, правда? Мы с моим б р а т о м замерзли до костей. Вчера вы что-то упомянули насчёт прогулки по кольцу...

Да, именно так она ему скажет – и какая, должно быть, счастливая и блаженная физиономия у него сразу станет!

Но у кабинки стояла и тоже покупала билеты девушка маленького ростика в пальто-разлетайке. И этот подлый донжуан из троллейбусно-трамвайного управления (у неё от возмущения дух захватило) – откровенно приставал к этой коротышке. Он спрашивал, на какой остановке она выходит, и ах как жаль, что их случайное знакомство так быстро обрывается, но если у девушки свободный вечер и т. д. Последних слов она не слышала, потому что брела, почти бежала, спотыкаясь, обратно, шепча под нос отчаянные, злобные и бессвязные слова.

О, слепоглухонемая юность! Как ей в голову не пришло, что всё, что говорилось девушке, было сказано исключительно для неё! И исключительно из-за неё троллейбус едва не промчался на красный свет, но даже отчаянных криков пассажиров она не слышала. Напротив, ей казалось, что троллейбус тащится невыносимо немедленно – она, подгоняя, мысленно со злостью попинала его под зад.

– Ты купила талоны? – спросил простодушно Славка.

– Ах, да оставьте вы все меня в покое! – у неё из глаз брызнули слезы. Больше всего на свете ей хотелось немедленно выпрыгнуть на улицу и никогда, слышите, никогда в жизни не садиться ни в один троллейбус.

Новогодние мелодии лились с плёнки шепелявого кассетного магнитофона в руках парня на задней площадке. Но тот скоро вышел. В салоне остались они одни. Кондуктор, рыжая девчонка, подошла к водителю и что-то ему сказала. Водитель, весёлый парень, высунулся и крикнул:

– Хорош бомжевать, старички, а? Третье кольцо катаетесь, дома небось внуки потеряли. Её спутник встал, прошел к кабине и вскоре вернулся.

– Что вы ему сказал?

– Что всю жизнь водил троллейбус. Что этот маршрут был мой самый любимый. И в некотором роде паренёк – мой крестник.

На конечной остановке у одноэтажной жёлтой коробки диспетчерской троллейбус перестал натужно гудеть и греметь штангами. В салоне притух свет. Кондуктор заспешила к выходу, за ней полез и водитель. – Мы щас, старички бездомные. Только Новый год встретим, и обратно.

Он показала ей часы: без шести минут двенадцать. Она только покачала головой. Он вынул из кармана патрончик с дочкиной мерцающей губной помадой, отвинтил крышечку. Приподнял, как крошечный бокал:

– С Новым годом?

Она поискала в сумке, но кроме пузырька с валерьянкой (для мужа- гипертоника) и бутылки с уксусом (для пельменей) ничего не нашла.

– Может, по десять грамм валерьянки? На спирту всё же...

Они по очереди поднесли к губам «бокал» с накапанной валерьянкой.

После выпитого, как водится, он расхорохорился.

– Едем в гостиницу за город! Знаю одно замечательное местечко, и администратор мой хороший знакомый.

Она расхохоталась и долго не могла успокоиться, повторяя:

– В гостиницу? За город? Ой, я не могу! В гостиницу?!

Он пригорюнился, и она, чтоб он не обижался, привстала и поцеловала его в лысину.

– Слушай, – спохватился он. – А ведь я до сих пор не знаю, как тебя зовут.

– Джессика, – сказала она. – Джессика Ланж.

Троллейбус ожил, загудел и развернулся. Они тронулись в обратный путь: пока ещё вместе, но уже каждый в свою жизнь.

ПЕРВЫЙ РАЗ ПРОЩАЕТСЯ

У счастливого волос – у несчастного ноготь. Так говорила бабушка, так постановила народная мудрость. Имеется в виду, что хозяйка пышной, густой шевелюры – по жизни счастливица. А женщине с жидкими волосёнками и шикарными ногтями – не везёт. Потому что на фиг кому сдались твои выдающиеся ногти? Разве что возьмут руку, рассмотрят, неодобрительно качнут головой: «Отрастила когти! Сразу видно: лентяйка, хозяйка никудышная». Только маникюрши в восторге от твёрдых миндалевидных ногтей. Да откуда у невезучего человека деньги на маникюр?

А, между прочим, такие ногти отлично очищают кастрюли от нагара. И без ножа выколапывают глазки из картошки. И сорняки на бабушкином огороде выковыривают, будь здоров – только нужно после брусок мыла поскрести, чтобы не было чёрной каймы под ногтями. А ещё можно царапать обидчиков, как кошка.

И вообще, Танька себя несчастной не считает. У неё есть собственная чистенькая малосемейка в новостройке – дали как сироте. До этого она с бабушкой жила в щелястом бараке. Обычно маленькие девочки рисуют травку, домики, в окошке цветок, а из трубы идёт дым. Танька рисовала не цветочки и домики – а волков. Волки получались похожими на кудрявый дым из тех труб или на лохматые клубки бабушкиной шерсти. Из клубков торчали круглые, добрые доверчивые глаза.

Бабушка читала про Красную Шапочку. В середине сказки останавливалась и закладывала страницу скрюченным белым, будто вываренным пальцем. Говорила, что так-то так, но волк – самый верный зверь и прекрасный кормилец семьи. Никогда не бросит свою жену и детей. Не то, что псины: вспрыгнули, сделали своё чёрное дело, отряхнулись и побежали дальше, хвост торчком.

И на улице при виде играющих в чехарду собак закрывала ей глаза. У, кобели, глаза бы не глядели.

Под кобелем имелся в виду Танькин отец. Однажды утром бабушка не проснулась. Её уложили в узкий голубой ящик со взбитыми внутри рюшами, как девчачий пенал. Не понятно, как она туда поместилась. Танька всё боялась, что бабушка вывалится. И ждала, что бабушка вот-вот потянется и смущённо скажет: «Все бока отлежала. Гостей-то, гостей – а я всё на свете проспала. Дом не велик, а спать не велит».

Откуда-то появилась женщина мама, и стали они жить-поживать. Ночью девочка просыпалась от стонов с маминого дивана. Танька лежала с открытыми глазами и угадывала по головам. Сегодня это дядя Володя, он каждый раз суёт Таньке размякшую в серебряной бумажке шоколадку. Танька опускает голову и от смущения оббивает ножкой ножку. Бабушка говорила: «Это привычка безвольных людей. Надо вырабатывать характер».

– Первый раз прощается! – прыгала на одной ножке Танька.

Бабушка так не считала. «С первого раза всё и начинается. Посеешь поступок – пожнёшь привычку. Посеешь привычку – пожнёшь характер. Посеешь характер – пожнёшь судьбу». И заставляла Таньку делать то, что ей не нравится – вырабатывать характер. Например, ходить по улице и всех спрашивать, который час. Или в магазине пробивать в кассе.

...А вот это дядя Серёжа, угадывала Танька. Он в упор не видит девочка, и пока мама торопливо одевает и спроваживает её на улицу – сердито барабанит пальцами по столу и деловито посматривает на настенные часы.

А это гадкий дядя Слава. Во время застолья он сажает Таньку на колени и запускает обе громадные руки ей в трусики: под скатертью не видно. Танька ёжится, хныкает, вертится ужом и пытается соскользнуть. Но дядя Слава подбрасывает её под мышки, возвращает на место

и ещё крепче и ласковее зажимает её коленями. Таньке что-то подсказывает: ни в коем случае нельзя об этом говорить маме.

Сейчас у Таньки у самой есть маленькая дочка Лапка. Ей четыре года, и они условились не иметь друг от друга даже самого маленького секретика. Вечером Танька честно рассказывает, как прошёл день в поисках работы. С работой в маленьком городе худо, потому что работодателям не нужна одинокая мама с дитём. А Лапка, в свою очередь, лепечет про садик, про стишок, про песочницу, про маленькую драчку из-за куклы. Про то, что она вырастет и женится на новеньком мальчике из группы...

Лапка тоже рисует не домики и цветочки, а волков. И тоже, когда стесняется, заворачивает винтом ножку вокруг ножки.

По телевизору фифа хвасталась своим дворцом. Зала величиной с футбольное поле, это для сумочек: красных и синих, чёрных и белых, блестящих и матовых, мягких и твёрдых, летних и зимних, выходных и будничных, кожаных и меховых, больших как баулы и маленьких как бумажники...

Вот ещё более огромная зала для туфель, все полки уставлены. Видите «лодочки», они из крокодиловой кожи... Больше половины остались ненадёванными, придётся выбрасывать: вышли из моды.

А в этой зале собраны магнетики со всего света – слабость хозяйки... А здесь косметика для ухода: взгляните, какие сияющие, нежные руки.

На Тётикатины руки смотреть страшно: кожа иссушённая, потрескавшаяся, вены повылазили... Всю жизнь работала на кирпичном заводе, садчиком (садила брикеты в печь). Тётя Катя критически, по-женски взглянула на фифу. Если той сдуть губки, грудь и задницу, отлепить ресницы и накладные волосы – останется пшик. Два килограмма штукатуры.

Эх, видели бы вы Катюшу тридцать лет назад. Фигура – ни один мужик взглядом не пропустит. Белая без пудры, алая как зорька без румян, золотоволосая без краски из коробочки. Гребни в волосах трещали и ломались – во какие волосы! Один всё её гриву сквозь пальцы пропускал: Лорелеей называл.

Тётя Катя выключила телевизор и пошла в супермаркет «Спрут». У супермаркета, конечно, была другая вывеска, но уж больно это название подходило к нему, опутавшему щупальцами их маленький город и в большую область. Всю страну опутавшему.

В «Спруте» был уценённый отдел, где продавали развесные продукты. Обрезки колбасы, крупу и сахар из прорванных упаковок, молоко из подтекающих пакетов.

Ранним утром их стояло всего четыре покупательницы. Одной взвешивали кулёк манки. Другая пялилась в витрину. Ещё одна девчонка возилась в углу с детской коляской, отцепляя авоську. Тётя Катя по праву встала третьей – за той, что рассматривала витрину.

Однако девчонка так не считала. Пискнула, задрав носик: «Я пришла раньше», – и попыталась вклиниться впереди тёти Кати. Не на ту напала. Тётя Катя родилась, поднаторела, закалилась как сталь в эпоху нерушимых советских очередей. Ха, реденькие жидкие очередёнки к нынешним кассам – это ж насмешка, жалкое подобие, пародия на железобетонное, монолитное километровое стояние за 2 кг колбасы по талону. Твоя грудь тесно упирается в спину впереди стоящего товарища. Твой пах, как единственно возможный пазл, входит в упругость его ягодиц.

Сзади прижимаются так же плотно, сопят, елозят, и что-то горячее и твёрдое упирается в пугливую, невинную девичью попу... Твои изгибы идеально вписываются в изгибы чужого тела. Да и какое оно чужое? Спаялись, сроднились, слились, срослись каждой впадинкой, выпуклостью. Я помню все твои трещинки. Как говорится, честные люди после такого обязаны жениться.

Люди делают шагок вперёд – и ты вместе с ними. Люди качнулись назад – и ты послушно повторяешь движение. Есть в этом что-то завораживающее, гипнотическое. Очередь издаёт мощный, неумолчный океанский гул, шевелится, волнуется, дышит единой грудью. Это единый живой организм.

Вот так, милая. Тётя Катя смирила взглядом девчонку и встала как можно плотнее к покупательнице впереди. Один – ноль.

Танька – это была она – уже хотела скромно пристроиться хвостиком. Но вспомнила покойную бабушку. «Будь упрямой, стой на своём. Добивайся, чего бы тебе ни стоило, даже в мелочах. Помни: маленький поступок сеет большую привычку».

Предать бабушку? Ни за что! И Танька независимо, параллельно встала с вредной бабушкой. Чтобы притупить её бдительность, озабоченно рассматривала что-то на полках, тянула цыплячью шейку, шурила глазёнки.

У девчонки была своя правда, своя логика: «Я пришла раньше». У тёти Кати – своя. «Пришла раньше, так занимай очередь, рисуй номерок на ладони, стой твёрдо. Это святое».

Тем временем покупательница впереди шагнула к кассе – всего на доли секунды между нею и тётей Катей образовался зазор. Танька исхитрилась и змейкой юркнула в эту щель. Не полностью, но хоть тощим боком. Счёт: один – один! Хорошо, тётя Катя в последний момент успела выпятить живот и прищемить лазутчицу: врешь, не пройдёшь.

Пока стояли, негромко пикировались:

– Не стыдно, молодая? Пожилых не уважаешь..

– А у меня ребёнок.

– Ребёнок у неё! Наплодят, потом в нос суют. Большого ума требуется ребёнка сделать.

– Да наши же дети вырастут, вас кормить будут, – грамотно парировала Танька. Она была в курсе бушующих пенсионных перипетий.

– Нашла кормильцев! Рожают одни бомжихи да уголовницы. Асоциальный элемент. И детки такие же: наркоманы, по карманам тырят да в тюрьме сидят. Не кормильцев растите – а сидельцев.

Танька, собиравшаяся уступить вредной бабке, тут же передумала. Крепко стиснула зубы.

А покупательница впереди, как назло, копается: то одно ей покажи, то другое. Продавец не из советских, не рявкнет: «Вы уж определитесь, женщина, что вам нужно». Равнодушно-вежливая, неживая как механическая кукла: вымуштровал их «Спрут».

Но вот и копуша покупательница, нестерпимо долго собрав свои копеечки, отчаливает. И тут молодая нахалка делает вероломный ход. Привстав на цыпочки, через Тётикатину голову выкрикивает: «А колбаса „майская“ у вас есть?» Столбит территорию. Один – два в её пользу! Тётя Катя хватается ртом воздух.

– Нет такого сорта, – оглядываясь на полки, пожимает плечами продавец.

– Тогда «мартовскую», пожалуйста!

– Мне, мне! Она без очереди! У меня без сдачи, – спохватывается, пытается отбить мяч тётя Катя, размахивая купюрой. Поздно.

– Сейчас посмотрю, вроде кусок «мартовской» остался... – мямлит продавец, – триста грамм возьмёте?

– Отрежьте, будьте добры, – девчонка по-королевски кивает головой. Всё. Многоопытная тётя Катя посрамлена. Молоденькая нахалка выигрывает с разгромным счётом «один-три».

Под окнами Танькиной квартиры всегдалюдно и весело: раскинулся крохотный стихийный рынок. С ранней весны до поздней осени здесь зелёная зона, кусочек деревни, оазис. На ящиках, коробках, просто на расстеленных кусках плёнки и картона, на сколоченных прилавках – щедрые садово-огородные дары. Все цвета радуги: пирамиды из красных помидор, горки оранжевой моркови, жёлто-прозрачные яблоки, пучки росистой зелени, сизая отпотев-

шая голубика в ведёрках, глянцеви́тые баклажаны... А ещё розовые куриные яички, пластиковые пузыри с молоком, брикеты масла и творога.

Всё домашнее, свежее и пахучее, овощи ещё в росе. Будто прямо из квартиры ступаешь в сад-огород. Сначала цены кусаются – на первый лучок, первый огурчик, первую ягоду. Взрослые засматриваются – не говоря о малышах.

– Мама, земляничка! – Лапка замерла, благоговейно сложила ручки перед грудью. Вообще-то Танька приучила её не попрошайничать. Объяснила, что такое терпение, гордость и маленькая зарплата у мамы. Чтобы не заглядывалась на платице в витрине, на куклу у подружки, на серёжки как у девочки из песочницы.

– Первый раз прощается, второй раз запрещается, – шепчет под нос Лапка.

Она ещё совсем кроха! А земляника хитро, горкой выложена в яркие пластиковые кружечки в горошек. И пахнет так, что... Вот завяжи Таньке глаза – и она сама очарованно, будто крысёнок за дудочкой, пойдёт за той кружечкой на край света. Что уж говорить о ребёнке! Выдумали феромоны всякие – да выше природы, создавшей земляничный дух, не прыгнешь...

– Сколько?

– Четыреста. Земляника первая, с дальних полей.

Танька задыхнулась. Бабка суежилась, переставляла кружечки, смахивала, сдвигала с них что-то невидимое. Сама понимала, что загнула несусветную цену. Но ты встань-ка в три утра, потрясись в электричке сто кэмэ. Поползай под комариным гуденьем, под палящим солнышком. Ну, ладно, ладно, приврала тётя Катя. На самом деле на станциях её уже ждут сельские сборщицы – девчонки, старушки, местные пьяницы. Тётя Катя – перекупщица строгая. Берёт только не мятую, перебранную, спелую.

Всё по законам рыночной экономики: конкурентов нет, товар эксклюзивный, отборный, ягодка к ягоде. Тётя Катя узнала вчерашнюю нахапку. Вот тебе, получай с возвратом, гордычка. Бог-то не Ерошка, видит немножко.

Танька потащила Лапку прочь. Обычно послушная Лапка вскрикнула, затормозила сандаликами:

– Земляничку-у! Земляничку хочу!

На них неодобрительно смотрели: что за мать, не может урезонить ребёнка? В довершение, зашипело шинами подъехавшее длинное красное авто. К бабке зацокала шпильками белокурая женщина в белом брючном костюме, с ней мальчик Лапкиных лет. Не дрогнув лоснящимся кремовым, розово-каменным лицом, женщина купила две кружечки. Мальчик тотчас, балуясь, начал ухватывать ртом душистую горку. Несколько ягодок упали в пыль.

Лапка давно захлопнула рот, помня про гордость и терпение. И ещё про то, что если она будет хорошо вести, то мама на утренник купит белые гольфы с бомбошками.

Но, увидев те ягодки, её маленькая душонка не выдержала. Лапка кинулась котёнком, схватила ягоды вместе с пылью и сунула в рот. И сжала губы, как партизан на допросе, испуганно и воинственно вытаращила глазёнки на маму, готовая защищать добычу не на жизнь, а на смерть.

Первым Танькиным желанием было шлёпнуть Лапку по губам, сдавить рот, заставив выплюнуть проклятые ягоды... Но она просто дёрнула дочку за руку и пошла прочь, отворачивая лицо, пряча зло брызнувшие слёзы.

«Четыреста рублей... Четыреста рублей...»

Она уже не думала ни о луке, ни о молоке. Где раздобыть четыреста рублей: немедленно, сейчас? Лапка виновато семенила следом, морщась, незаметно отплёвывалась от розовой слюнки, от скрипевшей на зубах земли.

Вот «Спрут» – здесь Танька работала до декрета уборщицей. Можно занять у девчонок-кассиров, она потом отдаст... как-нибудь. На кассах сидят сплошь незнакомые девушки. Таньки не было всего два года – а уж все поменялись. Текучка в коллективе огромная.

Зато у камер хранения, облокотившись о стойку, развалился рыжий охранник Володька. Этот небось никуда не денется. Играет под американского полицейского: непроницаемое лицо, сложенные на груди руки, засученные по локоть форменные рукава, зеркальные очки, жуёт жвачку. Ни один мускул не дрогнет, головы не повернёт.

– Дай пятьсот рублей, – сказала Танька. Глядела в сторону, чтобы не видеть рыжую, самодовольную жующую морду, и себя в роли просящей, отражающуюся в зеркальных очках.

– Спешу и падаю. Сначала верни тыщу, с прошлого года зажилила.

Танька повернулась и пошла прочь.

– Э, коза! Тормозни-ка.

Танька велела Лапке ждать её у дверей.

– Это... – Володька огляделся, снял очки. И сразу морда из непроницаемой сделалась мальчишеской, шкодливой. Веснушкам тесно, они слились в один большой рыжий блин. Хохотнул: – Отведи мелкую домой и спустись сюда, в подсобку. За полчаса управимся. Вспомним годы молодые, что ль? Получишь свою пятихатку. Хошь – помаду покупай, хошь – кружевные труселя.

...Танька встала с брошенной на пол картонки. Быстро скользнула в джинсы, натянула майку. Буркнула: «Давай, что ли».

– Счас, – заржал Володька, заправляя рубашку в штаны. – Тысчонку верни – тогда дам пятихатку.

Минуту Танька смотрела в ухмыляющуюся морду. Будь её кулачки как кувалды у Чака Норриса – измолотила бы ненавистного Володьку в мешок с костями. Разреветься перед ним, ещё чего?! Молча взяла сумочку и хлопнула дверью подсобки.

– Володька! Чего опять натворил: рожа будто у кота в сметане?

– Ничего я не натворил. На вон, опять просрочкой премию выдали, – Санёк высыпал на стол блестящие, хрустящие свёртки из пакета с логотипом «Спрута».

Вот ведь хороший парень, а хитрющий. Володька вырос в той же деревне Лисички, откуда родом тётя Катя. А встретились они самым любопытным образом. Она несла из «Спрута» тарные ящички из фанеры. На крылечке магазина, безуспешно пытаясь встать на четвереньки, барахтался паренёк. Поношенные куртка и джинсы собрали на себя весеннюю грязь.

На рыжем лице – тупое, обиженное пьяное недоумение. А руки, упирающиеся в натёкшую у порога лужицу – рабочие, в перекрученных венах, с побитыми ногтями.

Перешагнула через него тётя Катя, а тяжкие думы в голове заворочались. Что было бы с этим парнем, не случись буржуйского переворота двадцать лет назад? Работал бы на заводе, имел семью. На выходные ездил в «жигулёнке» куда-нибудь в «Жаворонок» или «Росинку», копался в тепличке. В отпуск – в Крым.

Дали бы ему, по количеству детишек, благоустроенную квартиру. Зарплата – без малого, как у директора завода... Простая, бесхитростная жизнь советского рабочего – как у тётиКатиного сына, земля ему пухом. Отправила в армию, а встретила в цинковом ящике.

Охо-хо. Вот оно, юное поколение. Вздутое синюшным пузырьём испитое лицо, перешагивающие через него ноги...

Тётя Катя оставила картошку-моркошку под присмотром товаров. Вернулась, велела мужикам оттащить паренька в забегаловку рядом. Поколотила по щекам, чтоб очухался. Напоила крепким чаем.

– Что же вы, поросята такие... Ведь земли вокруг – паши-сей, не хочу...

Паренёк, едва ворочая пьяным языком, вяло огрызнулся:

– Я, это... больше по бытовой технике... И иди ты, мамаша... сама в колхоз – я чо, дурак? Вон, по телику с утра до вечера эти... Задом вильнут, в микрофон вякнут – мильён в кармане. И я так... хучу. Чо-т твоих колхозников по телику не кажут... Другое нынче время, мамаша.

Мамашу нашёл. На рынке тоже: «бабка, бабка». А какая она бабка – только на пенсию вышла. Да-а... Ну да не бросать же охламона на улице. Втащила кое-как на четвёртый этаж. Бросила клеёнку на диван – спи, трезвей, принимай облик человеческий. Очухаешься – горячего супчика похлебаешь.

Не то чтобы тётя Катя была филантропкой и нежной сердцем. Имелась кое-какая корысть. Во-первых, стиральная машина у тёти Кати проявляла признаки агонии. То задумывалась и надолго впадала в оцепенение, так что бельё закисло. То, взбесившись, не реагировала на нажатия кнопок и готова была крутить бельё до дыр. Проспится парень – посмотрит. Во-вторых, какой-никакой – земляк. В-третьих, вот этим рыжим чубом, хитровой веснушчатостью широкого лица парень так напомнил тёте Кате сына.

Она хлопнула носом в платок. И ведь умная у парня башка – да дураку досталась. И куда их всех несёт в город, в суету, в соблазны? Всё им мнится: что проспят что-то важное, что жизнь мимо пронесётся. Будто только в городе жизнь настоящая. Асфальт, огни, красивые девки, лаковые туфли, лаковые машины. И, главное, дурашные, шальные деньги с неба сыплются. В телевизоре про это с утра до вечера крутят.

Э-эх! Человека-убийцу сажают. Бешеную собаку-убийцу стреляют. А с телевизором-убийцей что прикажете делать?

Спец по бытовой технике из Володьки оказался липовый. Устроил потоп, правда, всё за собой и подтёр. Почистил, выколупнул из машины застрявший протухший тряпичный, волосяной клуб – на том спасибо.

С бытовой техникой-то он общался в основном в роли грузчика. И бывают ведь такие невезучие. Сколотил бригаду из таких же деревенских простачков. Первый же подъём какой-то супер-пупер кровати «под Луи» с завитушками – и глубокая царапина на драгоценном лакированном красном дереве.

Хозяин, конкретный мужик, поставил бригаду на счётчик. Бригада, само собой, тут же и брызнула горохом в разные стороны.

Устроился в фирму – неделю бегал как бобик по высотным этажам, таскал холодильники, шкафы и пианино. До того доказал своё рвение – свихнул поясницу. Хлипок здоровьем и духом оказался Санька. Покатился вниз по наклонной.

Познакомился с доходягами, с трясущимися в липком поту синюшными алкашами и наркошами. Чтобы не стыдно было расплачиваться сторублёвкой, им совали пару бутылок пойла.

Тётя Катя пошла в «Спрут». Вообще-то супермаркет, как открылся, объявил беспощадную войну бабкам-торговкам. Сломал сваренные из железа навесы, увёз в металлолом ржавые столы. А ведь поставили ещё при Горбачёве. И никакая азербайджанская фруктово-овощная мафия, никакой участковый, никакая СЭС не могли истребить вездесущее бабкино племя.

А вот открылся «Спрут», нагнал гастарбайтеров с ломиками... Рынок не терпит конкуренции. Что предпочтут покупательницы? Китайские деревянно-пластиковые помидоры-огурцы – или живой, любовно возвращенный овощ с местного огорода?

Бабки сделали тактический манёвр: отвели на несколько десятков метров свои диспозиции. «Спрут» вызвал полицию – бабки ещё немного удалили боевые точки и стратегические объекты. Наташили ящики, коробки, принесли раскладные стульчики, раскинули зонтики. И всё – хоть танковую дивизию вызывай, ни пяди родной земли, позади Москва.

Впрочем, «Спрут» не больно пострадал. Открыл при магазине кулинарный цех, где пёк пирожки из фруктово-овощной гнили. Тётя Катя своими глазами видела, видела, видела: из гнили, из отходов, вот те крест!

Итак, тётя Катя пошла во вражеский «Спрут». Перемигнулась, пошушукалась со старшей по залу. Через неделю Володька расхаживал в подогнанной эсэсовской форме, сдвигал чёрные очки на кончик носа и медленно жевал жвачку, на манер американских полицейских. Как раз работа по нему, по прохиндею.

Тётя Катя и не заметила, что слово «прохиндей» прозвучало в её устах ласково-снисходительно. Сил нет, как Володька напоминал покойного сына. А место на диване всегда найдётся, тем более квартира из двух горенок. Володька вроде не успел испакудиться, оказался паренёк чистоплотный. Мыл полы, убирал посуду, спускал-поднимал на рынок ящики с огурцами-помидорами. С удовольствием ездил за земляникой, а уж огород вспахивал, как мини-экскаватор «Комацу».

Он и уборщицу знатно вспахал в подсобке. Работала у них в «Спруте» тощая девчонка – глаз не зацепится. Много ли ей надо: пару раз подмигнуть да пару шоколадок сунуть. «Ласку» – то только от дяди Славы видела – до сих пор тошнило и передёргивало.

Когда Танька закровила и застонала от боли, Володька почувал неладное. Испугался, затопился, засуетился.

– Бли-ин! Ты девчонка, чо ли? Чо не предупредила-то?! Да ладно, первый раз прощается.

Натягивая штаны трясущимися руками, оправдывался, успокаивал себя: «Небось, не первый раз, а, Танька? Небось и Крым, и Рым прошла, признавайся? Я молодой, неопытный, со мной любой фокус провернуть можно». А голосишко дрожал.

Танька плюнула ему в лицо и выбежала из подсобки. Встречаясь, делал вид, что в упор не видит. Так и есть: оказалась шалавой, видно, пошла по рукам. Забрюхатела и родила безотцовщину, как она сама. Хорошо, Володька с ней не связался.

«Четыреста рублей. Да идите вы все в жопу. Первый раз прощается, – думала Танька. – Самая дорогая банка кофе. Нет, лучше икра – баночки махонькие, легко спрятать. Есть в коляске потайной карман – не станут коляску проверять. Потом толкну на вокзале. Четыреста рублей. Первый раз прощается, второй раз запрещается... Не больно и запрещается. Все крадут – по телику показывают – и ничего, морды валенком – будто так и надо. А на третий раз. А на третий раз... Вот ведь привязалась считалка. Что там у них на третий раз?»

И Танька решительным, широким шагом шла к стеклянным, бесшумным дверям «Спрута», как на приступ, на штурм, толкая коляску с Лапкой.

Лапка не хотела сидеть в коляске – она ведь уже большая. Но мама сказала: «надо». Вот она и сидела смирно. И только когда проезжали мимо вчерашней бабки, холмом возвышающейся над своими кружечками с пахучей спелой земляникой... Вцепилась руками в края коляски, приподнялась и вся подалась в ту сторону, втягивая носиком волшебный запах... Но мама сильно, зло, резко, непохоже на неё, дёрнула коляску, так что Лапка перекатилась на спину и задрала ножки. И уже собиралась – сама не решила – засмеяться или зареветь.

– Стой-ка, стой, кому кричу, – их догоняла, охая, сердитая, одышливая бабка. Быстро, грубо говорила: – Есть куда ссыпать-то? Некуда? Ну да с кружечкой бери, чего уж. Бог с тобой, корми дочку на здоровье.

И пошла на своё торговое место, отмахиваясь как от наваждения, от морока. Качала головой, сама себе дивилась: никогда такого с ней не было, с чего вдруг? Стыдилась и пугалась плаксивости: слабая на глаза, старая, что ли, становится? Или девчонка в коляске напомнила тёте Кате её самую маленькую: шуструю, голенастую, в золотистых конопушках. У них в Лисичках все такие урождались.

Но нельзя было расслабиться. Чтобы привести себя в душевное равновесие и сохранить лицо перед товарками, грузно усаживалась на ящик и ворчала:

– Плодят и плодят нищету на нашу шею, прости господи. Плодят и плодят...

Бесплатная Олечка

Оля сделала выбор раз и навсегда: будет лечить людей. Доктор – это же как бог на земле: в сияющем одеянии, в белоснежном венце, от него ждут помощи, на него одна надежда, часто он – истина в последней инстанции. Оля ещё маленькая была: надевала на шею скакалку и строго «слушала» кукол. Для этой же цели подходила дудочка-пищалка. Приходящим в гости подружкам давила язык ложкой: «Больная, скажите «а-а-а». Ей здорово попало, когда для белого халата изрезала папину выходную югославскую рубашку...

Уже в школе очень поразил Олю один прочитанный рассказ. Как в двадцатые годы прошлого года в деревне, а может, в кишлаке или ауле, заболела девушка, почти умирала. Соседи вызвали из города врача, молодого парня. А отец у девушки был отсталый, наотрез отказался везти дочку в больницу. Наоборот, запряг коня в телегу: собирался везти дочку к бабке-знахарке (а может, к шаману). Уже тронул с места...

И тогда – у Оли в этот патетический момент всегда наворачивались слёзы – врач бросился на колени в грязь и рванул на груди белый халат. Он умолял, пусть его переедет лошадь, пусть он сам умрёт, но отец должен отвезти дочку в больницу... Ну и счастливый конец: вылеченная врачом девушка выздоравливает и, возможно, у неё с врачом завязывается роман... У Оли снова заволакивало слезами глаза – уже от счастья.

Аттестат застенчиво краснел отличными оценками, но всё равно столько было беготни, тревог, волнений... Оля поступила на бюджет в медакадемию. Жизнь оказалась совсем не студенческая, лёгкая, как в других институтах – с пивными вечеринками, гитарами и танцульками, бессонными ночами и любовью. Именно об этом на вечере встречи рассказывали одноклассники, хвастались количеством выпитого пива, прогулов и длиной «шпор».

Оля тогда помалкивала. Не будешь же рассказывать скучнейшие вещи: что в меде собрались сплошь такие же ботаны, как она сама. Что какие там романтические бессонные ночи, бог вами. Только бесконечные ночные бдения над медицинскими фолиантами. Не в человеческих силах усвоить все эти науки, того гляди голова лопнет, не до любовей и глупостей. Обалдевшие, оглушённые количеством опрокинутой на них учебной информации, будущие медики хлопали глазами, затравленными и красными. Красными как у бедных кроликов, которых резали и зашивали на практических занятиях. А кролик... Это же почти кошка... А Оля страстная кошатница, представляете?! У неё после всех этих опытов сердце по-настоящему болело.

Но ничего, она и не такое готова была ради помощи людям. Даже бесконечное переписывание неразборчивой клинописи из кип историй болезни – ими завалили студентов на второй год практики в больнице. На первой практике они таскали шкафы и контейнеры. На третьей практикантам доверили мыть «фрукты-овощи» (лежащих). На четвёртой практике – делать уколы в вену!

О, Оля до сих пор помнит, как она входила в палату с упаковкой шприцов. «Ребята, полундра!»

Те больные, что имели возможность передвигаться, в панике разбежались. Ковыляли, прыгали на костылях, расползались от практикантки кто куда. С венами беда – не попадала, хотя ведь на манекене и однокурсниках получалось... Сколько плакала в больничном туалете, наслышавшись ужасных проклятий в свой адрес: что у неё руки-крюки, которые непонятно из какого места растут. Что пациенты не для того в больницу легли, чтобы над ними проводили гестаповские опыты. Что доктор Менгеле и маньяк Чикатило, вместе взятые, отдыхают по сравнению с красной как рак, пыхтящей, вспотевшей Олечкой, ковыряющейся иглой в сгибе локтя...

И вот ординатура позади, диплом терапевта на руках. И Оля, стало быть, начала лечить людей и начала подмечать кое-какие вещи...

Больничные коридоры полнились болью, живыми комочками нервов, сливающимися в один большой нервный ком. Люди сидели замерев, тихо, малоподвижно, но это была обманчивая, опасная неподвижность сжатых до передела пружин. В любой миг – стоило какому-нибудь нервному пациенту-провокатору (обычно даме с менопаузой) обронить спичку... то есть неосторожное слово, сунуться в кабинет «только спросить» – обманчивый порядок и тишина взрывались.

Оле впервые попало на орехи от ворвавшейся пациентки. Она совала ей щеки и билеты и кричала:

– Это бесплатная медицина?! Вот это бесплатная медицина?!

С пациентами, даже буйными, врач обязан говорить терпеливо, разумно, проникновенно и сочувственно, как с маленьким ребёнком. Оля пригласила женщину сесть, взяла сколотые скрепкой листочки.

Женщина шумно дышала над Олей и комментировала суммы:

– 1700 рэ – УЗИ. 5500 – МРТ. Консультация специалиста – 1000. Дорога к специалисту в краевой центра туда-сюда – ещё 1000. Уточнение диагноза на компьютерном томографе в соседней области – 7700. Дорога в соседнюю область туда-сюда – 1000... Всё, последняя капля! Вы подсчитайте, подсчитайте! – настаивала женщина. – За три дня без малого двадцать тыщ – как корова языком слизнула! А что дальше ждать, дорогая ты наша, так называемая бесплатная медицина?!

«Болезнь вообще стоит дорого. И, пожалуйста, все претензии к частникам, которым платили», – могла мягко сказать бесплатная Олечка, но не сказала: не позволяла врачебная этика. Маленький опыт подсказывал, что даже на самые невинные слова пациент может жестоко обидеться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.